

ЛОРД ДАНСЕЙНИ

*Дочь короля
Эльфландии*

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Л 78

Lord Dunsany
THE KING OF ELFLAND'S DAUGHTER
Copyright © 1924 by Lord Dunsany
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Светланы Лихачевой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

В оформлении обложки использована иллюстрация
Артура Рэхема.

ISBN 978-5-389-20875-9

© С. Б. Лихачева, перевод, 2003
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

ПРЕДИСЛОВИЕ

Надеюсь, намек на неведомые земли, что, возможно, и содержится в заглавии, не отпугнет читателей от этой книги; ибо, хотя отдельные главы и впрямь повествуют об Эльфландии, в остальных говорится не более чем об обличии ведомых нам полей, и о привычных английских лесах, и о самой обыкновенной деревне и долине, находящихся не меньше чем в двадцати, а то и в двадцати пяти милях от границ Эльфландии.

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'H. G. Wells', written in a cursive style with a long horizontal stroke extending to the right.

Глава I

ЧТО ПОСТАНОВИЛ ПАРЛАМЕНТ ЭРЛА

В рыжих кожаных куртках до колен, люди Эрла предстали пред своим лордом, величавым седовласым старцем, в его просторном зале, отделанном в алых тонах. Откинувшись в резном кресле, правитель выслушал их глашатая.

И сказал глашатай так:

— На протяжении семи сотен лет главы вашего рода достойно правили нами; и второсортные менестрели помнят их деяния, что живы и по сей день в перезвоне песенок. Однако поколения уходят, и все остается по-старому.

— Чего желаете вы? — спросил лорд.

— Мы желаем, чтобы нами правил чародей, — отвечали те.

— Быть по сему, — отвечал правитель. — Уже пять сотен лет подданные мои вот так объявляют в Парламенте свою волю, и всегда будет так, как говорит ваш Парламент. Вы сказали свое слово. Быть по сему.

И лорд воздел руку и благословил парламентаров, и они ушли.

Они ушли и вернулись к своим древним как мир ремеслам: принялись выделывать кожу, и подгонять железо к конским копытам, и ходить за

цветами, и радеть о тяжких нуждах земли; они жили так, как заведено было исстари, и ожидали нового. А престарелый правитель послал за своим старшим сыном и призвал его к себе.

Очень скоро юноша предстал перед отцом, который так и не двинулся со своего резного кресла. Свет угасающего дня струился сквозь высокие окна и отражался в глазах старика, глазах, что устремлены были в будущее, далеко за пределы отведенного престарелому правителю срока. Так, восседая в кресле, лорд объявил сыну свою волю.

— Отправляйся в дорогу, — молвил правитель, — прежде чем окончатся мои дни, а потому поспеши; держи путь отсюда на восток, минуя ведомые нам поля, пока не откроются твоему взгляду земли, кои явственно принадлежат Фаэри; пересеки их границу, сотканную из сумерек, и отыщи тот дворец, о котором говорится только в песнях.

— Это далеко отсюда, — молвил юный Алверик.

— Да, — отвечал лорд, — это далеко.

— А обратный путь, — молвил юноша, — еще более долог. Ибо расстояния в тех полях иные, нежели здесь.

— Именно так, — отозвался отец.

— Что должно мне сделать, — спросил сын, — когда отыщу я тот дворец?

— Взять в жены дочь короля Эльфландии, — объявил правитель.

И задумался юноша о красоте принцессы, и ледяной короне, и нежной прелести ее, ибо так говорили о ней легендарные руны. Песни о ней звене-

ли на диких холмах, где растет крошечная земляника, — в сумерках и при первых звездах, но если кто пытался отыскать певца — там не оказывалось ни души. Иногда одно только имя ее звучало тихой песней снова и снова. Звали ее Лиразель.

То была принцесса волшебного рода. Боги послали свои тени на ее крестины, и феи тоже явились бы, только устрашились они при виде того, как задвигались на их убранных росой полянах длинные и темные тени богов; потому феи спрятались в куртинах бледно-розовых анемонов и оттуда благословили Лиразель.

— Подданные мои потребовали, чтобы ими правил чародей. Выбор их неразумен, — молвил престарелый лорд, — и только Темным, чьи лики сокрыты, ведомо, к чему это все приведет; однако мы, кому не дано видеть, следуем древнему обычаю и поступаем так, как скажут наши подданные в Парламенте. Может статься, некий дух мудрости, им доселе чуждый, еще спасет этих людей. Так ступай же, обратив лицо свое к тому мерцающему свету, что струится из волшебной страны и чуть озаряет сумерки между закатом и первыми звездами; свет этот будет твоим проводником, пока не придешь ты к границе и не останутся позади ведомые нам поля.

Затем лорд отстегнул перевязь и кожаный пояс и вручил сыну свой тяжелый меч, говоря:

— Меч этот, что род наш пронес сквозь века вплоть до нынешнего дня, верно охранит тебя на пути, пусть даже дорога твоя легла за пределы ведомых нам полей.

И юноша принял дар, хотя и знал, что подобный меч ему не защита.

Неподалеку от замка Эрл, в нагорьях близ того самого грома, что грохочет летом в холмах, обитала одинокая ведьма. Там жила она сама по себе, в маленькой, крытой соломой хижине; одна бродила она по нагорьям, собирая громовые стрелы. Из этих-то громовых стрел, не на земле откованных, при помощи подобающих рун делалось оружие, способное отразить неземные опасности.

Иногда, весенней порою, ведьма эта бродила в одиночестве, приняв облик юной и прекрасной девы, и распевала песни среди высоких цветов в садах Эрла. Она выходила в тот час, когда сумеречные бабочки-бразники начинают перепархивать от колокольчика к колокольчику. Среди тех немногих, кому довелось увидеть ее, был и старший сын лорда Эрла. И хотя полюбить ее означало обречь себя на горе и скорбь, хотя это навек отвращало мысли от всего истинного, однако красота не принадлежащего ей обличия приковала к себе глубокий взгляд юного Алверика, но вот — лезть ли, жалость ли смягчили сердце колдуньи, кто из смертных ведает? — она пощадила того, кого искусством своим с легкостью могла бы погубить, и, мгновенно преобразившись, предстала перед ним в том же саду в своем подлинном облиции смертоносной ведьмы. Но даже тогда Алверик не сразу отвел глаза, и в тот миг, что взгляд его задержался на иссохшей старухе, прогуливающейся среди штокроз, Алверик обрел ее признательность, которую невозможно ни купить, ни завое-

вать при помощи ведомым христианам заклятий. И ведьма поманила его за собой, и Алверик последовал за ведьмой, и там, на холме, где находит приют гром, ведьма поведала юноше, что в час нужды может быть сделан меч — из металлов, рожденных не Землею, — меч с покрытым рунами лезвием, который, несомненно, отведет удар любого земного клинка и сможет противостоять оружию Эльфландии — любому, кроме трех главных рун.

И, принимая в руки отцовский меч, юноша подумал о ведьме.

В долине едва начинало темнеть, когда Алверик покинул замок Эрл; столь стремительно поднялся юноша на ведьмин холм, что бледный свет еще мерцал на самых высоких пустошах, когда он приблизился к хижине, где жила нужная ему особа, и застал владелицу хижины за сжиганием костей на костре во дворе. И сказал юноша ведьме, что час нужды пробил. И послала она Алверика в свой сад собрать громовые стрелы в рыхлой почве под капустными листьями.

Там-то, при помощи глаз, что с каждой минутой видели хуже и хуже, и пальцев, что привыкли различать на ощупь причудливую поверхность стрел, Алверик отыскал целых семнадцать штук, прежде чем над ним сомкнулась тьма, и собрал их в шелковый платок, и отнес ведьме.

На траву подле ведьмы сложил он этих чуждых Земле гостей. Из дивных краев спустились они в ее волшебный сад, гром отряхнул их с троп, на которые нам ступить не дано; и хотя сами стрелы не заключали в себе магии, они могли стать пре-

красным вместилищем для волшебства ведьминских рун. Колдунья отложила в сторону берцовую кость какого-то материалиста и обратилась к этим странникам бури, и разложила их в ряд вдоль огня. А поверх набросала она горящие поленья и угли, проталкивая громовые стрелы вниз палочкой эбенового дерева, что ведьмам служит скипетром, и укрыла толстым слоем этих семнадцатерых братьев Земли, что посетили нас, покинув свои эфирные обители. Затем ведьма отступила на шаг от огня, и простерла руки, и вдруг обрушила на него ужасную руну. Пламя в изумлении взметнулось ввысь. И то, что было всего лишь одиноким костром в ночи, не более таинственным, чем любой другой костер, разгоревшись, превратилось в нечто такое, что наводит страх на случайного прохожего.

Зеленые языки пламени, ужаленные ведьминскими рунами, рвались все выше, и огонь разгорался все жарче, а колдунья все отступала и отступала, и чем дальше удалялась от костра, тем громче говорила свои руны. Она повелела Алверику подложить еще бревен, темных дубовых бревен, что загромождали вересковую пустошь; юноша бросал поленья в огонь, и жар тотчас же слизывал их; все громче возглашала ведьма свои руны, все яростнее металось зеленое пламя; и среди углей те семнадцать, чьи тропы встарь, когда они еще скитались на воле, пересекли пути Земли, снова узнали нестерпимый жар, изведенный ими прежде в отчаянном полете, приведшем их сюда. Когда же Алверик уже не мог приблизиться к огню, а ведьма удали-

лась от костра на несколько ярдов, выкрикивая свои руны, волшебное пламя испепелило золу, и мрачное знамение, пылавшее на холме, столь же внезапно погасло, и на земле остался только тускло тлеющий круг, словно зловещая раскаленная выбоина в том месте, где взорвалась термитная шашка. А в огненном зареве плашмя лежал меч — пока еще расплавленный.

Ведьма подошла поближе и подравняла края его клинком, снятым с пояса. Потом она уселась на землю подле меча и запела ему, он же тем временем остывал. Песнь, что пела она мечу, не походила на руны, разъярившие пламя: та, чьи проклятия взметнули огонь так, что он пожрал огромные дубовые поленья, теперь слагала негромкую мелодию, подобную летнему ветру, что летит от диких лесных кущ, которых не касалась рука человеческая, и вниз по долинам, что некогда радовали детей, теперь же утрачены для них, и возвращаются разве что во сне. Напев слагала она, сотканный из тех воспоминаний, что дрожат и прячутся у пределов забвения, то высвечивая в чередѣ давно ушедших безмятежных лет одно лучезарное мгновение, то опять стремительно ускользая из памяти, чтобы вернуться под сень забвения, и оставляя в душе те едва заметные, крохотные сияющие следы, которые мы называем сожалениями — тогда, когда смутно осознаем их. Она пела про давно минувший летний полдень в пору цветения колокольчиков; на высокой темной пустоши она пела песнь, напоенную закатами и рассветами, сохраненными магическим искусством во всем их росном убран-

стве, закатами и рассветами тех самых дней, какие иначе давно ушли бы в небытие, и Алверик дивился каждому трепещущему крылышку, что огонь ее выманил из сумерек, и гадал, не тень ли это какого-нибудь утраченного для людей дня, вызванного силою ее песни из прошлого, неизмеримо более прекрасного, чем настоящее. А тем временем не землю рожденный металл становился все тверже. Сияющий белый расплав застыл и приобрел алый оттенок. Алое сияние померкло. И по мере того как меч остывал, он уменьшался в размерах: крохотные частички сливались воедино, крохотные трещинки затягивались: затягиваясь, они поглощали окружающий воздух, а вместе с воздухом и ведьминскую руну, намертво ее схватывая. Вот так рожден был волшебный меч. И немного осталось магии в лесах Англии, от весны анемонов до поры листопада, что не вобрал в себя этот меч. И уж совсем немного магии осталось на южной гряде меловых холмов, где бродят только овцы да кроткие пастухи, что не вобрал в себя этот меч. И заключены были в нем оттенки сирени, и аромат тмина, и перезвон птичьего хора, что встречает апрельский рассвет, и пышное, гордое великолепие рододендронов, стремительные переливы и смех ручьев, и целые мили боярышника. И к тому времени, как меч почернел, заклятия магии оковали его от рукояти до острия.

Никто не сумеет рассказать вам всего об этом мече; ибо те, кому ведомы пути Космоса, по которым скитались некогда его металлы, пока Земля не словила их одного за другим, проплывая мимо по

своей орбите, не тратят время на такие пустяки, как магия, и потому не смогут сообщить вам о том, как откован был меч; те же, кому ведомы истоки поэзии и жажда песен, присущая душе человеческой, кому знакома хотя бы одна из пятидесяти отраслей магии, не тратят времени на такие пустяки, как наука, и потому не смогут сообщить вам, откуда взялись ингредиенты меча. Достаточно и того, что некогда носился он за пределами Земли, ныне же оказался здесь, среди заурядных камней; что некогда был он не более чем одним из таких камней, а ныне заключал в себе то же, что и тихая музыка; пусть те, кто смогут, опишут сей меч.

И вот ведьма потянула черный клинок за рукоять, увесистую и закругленную с одной стороны, ибо она вырезала в дерне под рукоятью небольшой желобок специально с этой целью; и принялась затачивать грани лезвия причудливым зеленоватым камнем, продолжая петь над клинком свою странную песню.

Алверик молча наблюдал за колдуньей, удивляясь и не следя за минутами; может быть, все это продолжалось мгновения, а может быть, звезды тем временем далеко ушли по своим путям. Но вот ведьма закончила. Она поднялась; меч лежал на ее вытянутых руках. Она резко протянула меч Алверику; юноша принял дар, колдунья отвернулась; в глазах у нее можно было прочесть, что она бы не прочь оставить у себя либо меч, либо Алверика. Юноша обернулся, чтобы излить на нее поток благодарностей, но колдунья уже исчезла.

Алверик принялся стучать в двери погруженного во мрак дома, зовя: «Ведьма! Ведьма!»; один на пустынной вересковой пустоши, он стучал и звал, и, в конце концов, его слышали дети на далеких фермах и расплакались от страха. Тогда Алверик повернул домой, и это было к лучшему.

Глава II

АЛВЕРИК ВИДИТ ПЕРЕД СОБОЮ ЭЛЬФИЙСКИЕ ГОРЫ

Высоко в башню, в просторный, скудно меблированный покой, служивший Алверику опочивальней, проник луч встающего солнца. Юноша пробудился и тотчас же вспомнил про волшебный меч, и пробуждение озарилось радостью. Вполне естественно веселиться при мысли о только что полученном подарке, но немалая радость заключена была и в самом мече — радость, которая, возможно, тем легче могла передаваться думам Алверика, что думы эти только что возвратились из страны снов, откуда, собственно, меч и был родом; как бы то ни было, те, кому в руки попадает волшебный клинок, всегда ощущают подобную радость, отчетливо и безошибочно, покуда меч не утратит своей новизны.

Алверику не с кем было прощаться, и решил он, что разумнее немедленно повиноваться велению отца, нежели остаться объяснять, почему он берет с собою в дорогу меч, который почитает лучшим, нежели любимый отцовский. Потому юноша не задержался даже, чтобы поесть, но сложил припасы в дорожную суму и повесил на ремне новую кожаную флягу; однако не стал терять времени, чтобы наполнить ее, ибо знал, что по дороге встре-

тится немало ручьев; и, приладив меч отца так, как обычно носят мечи, он перебросил второй меч за спину, укрепил грубую рукоять у плеча и зашагал прочь от замка и от долины Эрл. Денег он взял с собою немного, только неполную пригоршню меди — на расходы в ведомых нам полях, ибо не знал он, какая монета и какие средства обмена в ходу по ту сторону границы сумерек.

А долина Эрл находится совсем близко от границы, далее которой не простираются ведомые нам поля. Алверик поднялся на холм, прошел через пашни, миновал ореховые леса; над головою юноши радостно сияло синее небо, пока шел он полями, а едва Алверик вступил в лес, под ноги ему легла столь же яркая синева, ибо была пора колокольчиков. Алверик подкрепился, наполнил свою флягу и далее шел весь день на восток, так что к вечеру вдали показались, медленно выплывая из тумана, горы Фаэри цвета бледных незабудок.

И пока солнце садилось за спиною у Алверика, юноша окинул взглядом бледно-голубые горы, надеясь увидеть, какими красками вершины их изумят вечер; но ни малейшего оттенка не приняли они от заходящего солнца, великолепие которого позолотило ведомые нам поля от края до края. Ничуть не поблекли резкие очертания отвесных пропастей, нигде не стусились тени, и понял Алверик: ничего из того, что происходит здесь, не в силах изменить зачарованные земли.

Юноша отвел взор свой от безмятежно-бледной красоты гор и снова оглядел ведомые нам по-

ля. И там заметил он жилища смертных — домики с остроконечными крышами, что поднимались к солнцу над пышными живыми изгородями в весенней прелести. Алверик зашагал мимо них; все явственнее становилась красота вечера: пели птицы, цветы разливали благоухание, ароматы все сильнее кружили голову, вечер принаряжался, чтобы достойно встретить Вечернюю Звезду. Но прежде чем показалась звезда, юный искатель приключений нашел хижину, которую высматривал: над дверью ее развешалось изображение огромной бурой шкуры, покрытой позолоченными чужеземными буквами, — знак того, что под этой крышей живет кожевник.

Алверик постучал, и на стук вышел старик, маленький и согбенный старостью, и согнулся он еще больше, едва Алверик назвал себя. И юноша попросил о ножнах для своего меча, однако об истинной сути клинка не сказал ни слова. И вот хозяин и гость вошли в хижину, где у пылающего очага сидела старуха, и супруги оказали Алверику великие почести. И старик уселся за крепко сбитый стол, гладкая поверхность которого ярко сияла там, где не была пробита крохотными инструментами, сверлившими кусочки кожи на протяжении всей жизни этого человека и еще раньше, во времена его отцов. Старик положил меч на колени и подивился, сколь грубо сработаны рукоять и гарда, ибо металл не был отшлифован; подивился и необычной ширине лезвия; а потом он прищурился и задумался о своем ремесле. И спустя некоторое время он надумал, что следует сделать, и же-

на его принесла превосходную кожу, и старик наметил на ней две детали, по ширине равные мечу, и даже немного шире.

Алверик старательно уклонялся от расспросов кожевника, которому не давал покоя огромный и сверкающий меч, ибо не желал юноша смущать ум старика, рассказав, что перед ним такое; он достаточно смутил пожилую чету чуть позже, когда попросил приютить его на ночь. И хозяйева приютили Алверика и так долго извинялись при этом, словно это они просили об одолжении, и угостили славным ужином из своего котла, в котором варилось все, что только попадалось старику в ловушки; и как ни отговаривал их Алверик, уступили ему свою кровать, а себе приготовили на эту ночь ложе из шкур у огня.

А после ужина старик вырезал два широких куска кожи, сужающихся с одного конца, и принялся сшивать их с каждой стороны. А когда Алверик принялся расспрашивать его о дороге, старый кожевник заговорил о севере, и юге, и западе, и даже о северо-востоке, но о востоке и юго-востоке не сказал ни слова. Старик жил у самой границы ведомых нам полей, однако ни он, ни жена его ни намеком не упомянули о том, что лежит за их пределами. Казалось, они полагали, будто там, куда лег завтрашний путь Алверика, находится край света.

И после, обдумывая в предоставленной ему постели все, что наговорил старик, Алверик порою дивился его невежеству, а порою думал, уж не нарочно ли эти двое весь вечер избегали упоминаний о том, что лежит к востоку либо юго-востоку

от их дома. Юноша гадал, а не случилось ли старику в молодости забредать в те края, но не мог даже представить себе, что кожевник там видел, ежели и забредал. А потом Алверик уснул, и сны его полны были намеков и догадок касательно странствий старика в Волшебной Стране, но только не путеводных указаний; впрочем, в каких еще указаниях нуждался Алверик, имея перед глазами бледно-голубые вершины Эльфийских гор?

Алверик спал долго — до тех пор, пока старик не разбудил его. Когда юноша явился в жилую комнату, там горел яркий огонь, на столе накрыт был для гостя завтрак, и уже готовые ножны замечательно подходили к мечу. Старики молча прислуживали Алверику, взяли плату за ножны, но за гостеприимство не пожелали взять ничего. Молча следили они, как молодой человек поднялся, чтобы идти; не говоря ни слова, проводили его к дверям и долго смотрели вслед, очевидно надеясь, что он свернет на север или на запад; когда же Алверик повернул и направился в сторону Эльфийских гор, супруги более не смотрели ему вслед, ибо никогда не обращали лиц своих в ту сторону. И хотя старики более не могли его видеть, Алверик помахал на прощанье рукою; ибо хижины и поля этих простых людей трогали его сердце так, как зачарованные земли не трогали сердца селян. Утро сияло, юноша шел и видел перед собою знакомые с детства картины: красновато-коричневый ятрышник, рано зацветший, напоминал колокольчикам, что их время на исходе; молодая листва дубов еще переливалась темным золотом; едва распустившиеся

Лорд Дансейни

Л 78 Дочь короля Эльфландии : роман / Лорд Дансейни ; пер. с англ. С. Лихачевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 320 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-20875-9

Эдвард Джон Мортон Дракс Планкетт, 18-й барон Дансейни, публиковавшийся как лорд Дансейни, — знаменитый автор множества романов, пьес и литературных сказок, стоявший у истоков самого жанра фэнтези. Едва ли не первым в европейской литературе он создал целый «вторичный мир» — со своей космологией, мифологией, историей и географией. Его мифология повлияла на Лавкрафта, Толкина и Борхеса, а парадоксальный юмор, постоянная игра с читательскими ожиданиями — на Нила Геймана и на всю современную ироническую фэнтези. В романе «Дочь короля Эльфландии» парламент деревни Эрл, расположенной недалеко от границы волшебной страны, постановил, чтобы их землю правил чародей, — и вот лорд Эрла отправляет своего сына и наследника на поиски дочери короля Эльфландии...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЛОРД ДАНСЕЙНИ
ДОЧЬ КОРОЛЯ ЭЛЬФЛАНДИИ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Валентина Дик
Корректоры Дмитрий Капитонов, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.07.2022. Формат издания 75 × 100 1/32.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 14,1.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-AKB-29790-01-R